

Научная статья

УДК 81-13; 82-32; 82-34

DOI 10.17223/18137083/94/4

**Когнитивно-концептуальная сюжетная матрица
в художественном дискурсе
(на примере рассказа В. И. Даля «Осколок льду»)**

Сергей Михайлович Шаврыгин

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
Москва, Россия

sshavrygin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Аннотация

Рассматривается значение когнитивных методов изучения сюжетной основы художественного текста, раскрывающих механизмы концептуализации знаний и представлений, репрезентируемых в форме сюжетно-когнитивной матрицы. Утверждается, что, опираясь на художественно-литературные дискурсы «степного пленника» и волшебной сказки, Даль создает оригинальный вариант абдуктивно-реверсивной сюжетной матрицы «путешествие», внутри которой особым образом организована последовательность событийных концептов, сцен-ситуаций и сюжетных мотивов. Формирующаяся двойная сюжетная матрица определяется последовательностью доминантных концептов, номинативная структура которых связана с определенным семантическим полем, включающим как значения номинативных единиц, так и различные лингвокультурные ассоциации, которые становятся интерпретативной основой когнитивной сюжетной матрицы. В целом сюжетная матрица, реализованная в тексте, представляет собой синергию ментального освоения реальных событий и сказочной матрицы.

Ключевые слова

сюжет, фабула, рассказ, повесть, концепт, концептосфера, матрица, сцена, сценарий, фрейм, В. И. Даль

Для цитирования

Шаврыгин С. М. Когнитивно-концептуальная сюжетная матрица в художественном дискурсе (на примере рассказа В. И. Даля «Осколок льду») // Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 52–62. DOI 10.17223/18137083/94/4

© Шаврыгин С. М., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 1. С. 52–62

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 1, pp. 52–62

Cognitive-conceptual plot matrix in artistic discourse (a case study of the short story “Oskolok l’du” by Vladimir Dahl)

Sergey M. Shavrygin

Moscow Financial and Industrial University “Synergy”
Moscow, Russian Federation

sshavrygin@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0182-1658>

Abstract

This study considers the importance of cognitive methods in analyzing the plot foundations of literary texts, revealing the mechanisms of knowledge conceptualization within a plot-cognitive matrix. The analysis of the short story “Oskolok l’du” (“A fragment of ice”) written by Vladimir Dahl demonstrates that examination of plot-event concepts can improve cognitive scenario studies. It is demonstrated how Dahl uses documentary accounts (such as notes by Russian prisoners) and personal correspondence (letters to friends) as a referential basis for this work, creating numerous thematic and situational resonances. The writer constructs an original version of an “abductively reversible” story matrix of the “journey” type, in which event concepts, situational scenes, and plot motifs are uniquely organized, forming a double plot matrix comprising five distinct stages (frames). The dominant concepts within each frame dictate the implementation of the cognitive scenario of the text. Their nominative structure is linked to specific semantic fields, including both lexical meanings and linguo-cultural associations, which become the interpretative basis of the cognitive plot matrix. Ultimately, the plot matrix represents a synergy between the mental processing of real events and the “fairytale matrix” as a universal narrative structure. The conceptual sphere of a literary text becomes the basis of architectonics, and the cognitive-conceptual plot matrix is a set and sequence of nominative fields of artistic concepts.

Keywords

plot, story, novella, concept, conceptosphere, matrix, scene, scenario, frame, V. I. Dahl

For citation

Shavrygin S. M. Kognitivno-kontseptual'naya syuzhetnaya matritsa v khudozhestvennom diskurse (na primere rasskaza V. I. Dalya “Oskolok l’du”) [Cognitive-conceptual plot matrix in artistic discourse (a case study of the short story “Oskolok l’du” by Vladimir Dahl)]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2026, no. 1, pp. 52–62. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/94/4

Введение

Современная сюжетология успешно развивается в различных направлениях в соответствии с несколькими продуктивными парадигмами сюжетно-нарратологического анализа. Среди существующих научно-методологических парадигм выделяются несколько систем регулятивных приемов и способов достижения нового знания о принципах пропозициональности и репрезентации сюжетной структуры текста: типологический подход [Левитан, Цилевич, 1990; Эсалнек, 2021], проблемы эстетического дискурса в аспекте семиоэстетического анализа [Тюпа, 2009, с. 36–48], сюжето- и смыслопорождающие эстетические механизмы [Силантьев, 2018, с. 9–16], структурно-семиотические принципы анализа текста [Маслов, 2023].

Одним из важнейших оказывается подход в русле когнитивной лингвистики и поэтики, раскрывающий механизмы концептуализации знаний и представлений, репрезентируемых в форме сюжетно-когнитивной матрицы.

Методология

С точки зрения текстового когнитивного сценария «как динамичного исследовательского конструкта» [Огнева, 2015, с. 62] изучаются статичные и динамичные когнитивные структуры, моделирование текстовой когнитивной сцены (сценария), интерпретация моделей концептов, репрезентация вербальных и невербальных кодов [Огнева, Кузьминых, 2014; Огнева, 2015], принципы реализации когнитивного сценария в художественном тексте [Юсупова, 2021], поэтические художественные функции когнитивного сценария [Милованова, Куличенко, 2012], модели концептуализации события [Боярская, 2017], интерпретативная модель события в виде когнитивной сюжетной матрицы [Карасик, 2020].

Когнитивный подход к анализу сюжета может быть дополнен исследованиями в аспекте формирования сюжетных концептов [Кручинкина, 2010]. Выявление и определение когнитивного сценария происходит, в частности, в процессе «установления ключевых слов, идей текста» [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 34]. Основная задача в интерпретации когнитивного сценария – это «когнитивно-психологическое моделирование концептов», т. е. «стремление исследователей зафиксировать в модели специфику ментального содержания концепта по вербальным репрезентациям» [Там же, с. 60]. Речь должна идти о пропозициях, концептах предложений, несущих «такой смысл, который выражается в языке предикатной группой (предикатом, со всеми словами, служащими для заполнения его семантических валентностей) или группой какого-то другого сентенциального оператора – связки, квантора и пр.» [Падучева, 2010, с. 36–37]. На основе пропозициональной предикативной структуры формируется «событийный концепт», «концептуальный образ конкретного события», который в итоге приобретает «статус типового событийного концепта» [Кручинкина, 2010, с. 23–24]. Культурный концепт – «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2004, с. 91]. Проекция события и его типовой концепт подобны значениям лексических знаков, и потому могут связываться в единые синтагматические цепочки, доступные для восприятия и интерпретации.

Результаты анализа и обсуждение

Проблема формирования концептуальной сюжетной матрицы, расшифровки номинативного замысла путем соединения событийного значения с событийным референтом, с одной стороны, а с другой – с категориальным событийным концептом может быть проиллюстрирована на примере литературного творчества В. И. Даля, в частности текста его рассказа «Осколок льду».

В 1832 г. Даль издает свое первое сочинение «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казаком Владимиром Луганским. Пяток первый», знаменующее начало его литературной деятельности, продолжившейся в 1833 г. уже в Оренбурге, на службе при военном губернаторе В. А. Перовском.

Параллельно со служебными обязанностями, требовавшими от Даля частых и далеких разъездов по губернии, он продолжает собирательскую деятельность фольклориста и писателя. За восемь лет службы Даль накопил огромный материал не только народных произведений, но и живых историй о быте и нравах ураль-

ских казаков, казахов, киргизов и других народностей края, опубликовал записки бывших пленников из Хивы и Бухары Фёдора Грушина, Андрея Никитина, Якова Зиновьева, урядника Попова, Тихона Рязанова, портупей-поручика Медяника. «В 1836 г. В. И. Даль сделал запись рассказа своего друга прапорщика И. В. Виткевича о его смелой поездке в Бухару, где он собрал много интересных сведений о Бухарском ханстве, его хозяйстве, системе управления, нравах и обычаях народа» [Матвиевская, 2021].

Эти и другие материалы послужили референциальной основой многих рассказов и повестей Даля, написанных как в 1830-е, так и позднее, в 1840–1860-е гг., поскольку «языковой текст всегда строится как имеющий некоторый внешний мир (действительность), с которым он соотносится – даже такой текст, который явно не рассчитан на оценку его с точки зрения истинности / ложности, например сюжетно-художественный текст» [Падучева, 2010, с. 3].

Реальный материал для изучения механизмов референции и сюжетосложения, осуществленных в рассказе-очерке «Осколок льду» («Осколок льда»), написанном, вероятно, в 1840-е гг., но впервые опубликованном в 1856 г. в журнале Хомякова и Кошелева «Русская беседа» в составе цикла «Картины из русского быта», мы находим в двух текстах. Во-первых, это «Записка, составленная по рассказам оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно пути его в Бухару и обратно» 1836 г. (Записки..., 1983, с. 84–129), составленная или обработанная Далем, и, во-вторых, записки и письма к друзьям самого Даля о Хивинском походе 1839–1840-х гг. (Чтения..., 1860; Русский архив, 1867). В этих документальных текстах обнаруживаются многочисленные предметно-тематические (номинативные) и ситуационно-пропозициональные переключки с текстом рассказа: описание самого пути, его тяжелых путевых условий и плохого физического состояния людей, их болезней, передвижение на верблюдах с караванами купцов, природные и географические условия похода, препятствия на пути, еда и пропитание в целом, отношение местного населения к участникам, этнические группы населения (кайсаки, хивинцы, туркмены, каракалпаки), купцы-чумекейцы, топонимические названия и описание аулов и поселений, через которые полегал путь пленников, отношение к русским пленным, описание Бухары, узких улочек, толкотни на и около базаров, крики многочисленных разносчиков еды и товаров, устройство ханского дворца и быт его семейства, общение с ханом, множество пленных русских.

Даль превратил эти мотивы в историю уральской девочки-казачки, Марьи Чернушкиной, похищенной «киргизами» (киргиз-кайсаками), проданной в плен бухарскому хану, испытавшей всю тяжесть пути на чужбину и мучительной жизни в плену, чудесным образом спасшейся, благополучно вернувшейся домой, в свою Красногорскую крепость Оренбургской губернии, и нашедшей там себе жениха.

Опираясь на типичный дискурс «степного пленника», отделившийся от романтического концепта «кавказский пленник», популярного в русской литературе 1820-х гг., особенно в жанре романтической поэмы [Созина, 2016], Даль привносит типичные признаки сказочной модели текста. Он выбирает нарративную стратегию, отличную от романтической литературы и заключающуюся в создании абдуктивно-реверсивного сюжета (похищение – возвращение), характерного для сказочной традиции.

В рамках нового нарратива и строится основная сюжетная матрица рассказов Даля о степной пленнице. Матрица – это упорядоченный набор элементов (сю-

жетных), организованных в виде «таблицы» (схемы). Под сюжетной матрицей мы будем понимать развитие сюжетной линии, обусловленной последовательностью мотивов в ней, минимальных тематических и динамических единиц сюжета [Карасик, 2020]. Под минимальными динамическими элементами матрицы будем понимать сцены или ситуации, т. е. статичные положения актантов-предикатов (действий)-фона (обстоятельств).

События рассказа Даля «Осколок льду» укладываются в рамки как сюжетной матрицы «путешествие» [Там же, с. 41–42], представляя ее разновидность – «грабительский набег», так и событийной схемы волшебной сказки, выделенной В. Я. Проппом [1969, с. 29–60], которую обозначим как «вредительство» (функция восьмая, первые семь функций отсутствуют).

Внутри системно-структурной организации матрицы «путешествие» акцентируются следующие сцены-ситуации, определяющие тип дискурса: похищение и его способы, попытка бегства и вторичная поимка, долгий мучительный путь в чужие края, переправа через реки, пребывание в деревне похитителей, продажа и покупка пленников, получение нового имени, отправка в услужение хану, жестокое обращение хозяев с пленными, рабский труд пленных. Структура матрицы и тип дискурса абсолютно укладываются в структуру сюжета рассказов бывших пленных Андрея Никитина, Якова Зиновьева и др., записанных, обработанных и опубликованных Далем.

Сюжетная матрица «вредительство» оказывается на архетипическом скрытом плане и репрезентируется лишь частично, не воспроизводя полностью сюжетную модель волшебной сказки.

Двойная сюжетная матрица рассказа-очерка «Осколок льду» состоит из 71-й микросцены (ситуации), группирующихся в пять этапов (фреймов), воспроизводящих концептуально-понятийный вектор интерпретации сюжета.

На первом этапе когнитивного сценария воплощается концепт *ПОХИЩЕНИЕ*, связанный с семантическим полем 1) воровства, кражи имущества; 2) захвата лица против его воли с применением насилия; и мифологической параллелью лингвокультурного концепта похищения Европы Зевсом в страшном облике быка (этому в мифе предшествует пророческий сон, а в рассказе – пророческое страшное событие из детства героини). Интерпретативной основой становится мотив похищения человека и лишения его свободы, что связано с насилием и подвластностью, потерей права распоряжаться собой. На базе этого мотива формируется коллизия, перерастающая в конфликт: Маша – киргиз-кайсаки; мирная патриархальная идиллическая жизнь – существование в нечеловеческих условиях жестокого плена, свобода – абсолютное порабощение. Противопоставление актуализируется в перцептивных образах жестоких, сильных, молчаливых киргизов и слабой, испуганной, дрожащей, бьющейся как пойманная птица героини, которая превращается из свободного человека в добычу. Особое значение имеет образ-символ текущей воды (реки): «...вокруг нее шумела вода и перед собою она видела только бурную пену; вода неслась быстрым потоком под ногами лошади, и будто уносила ее с собою...» (Даль, 1981, с. 77) – символ времени, быстро текущей жизни, жизни и смерти, кардинального изменения экзистенции-жизни, оставления навсегда своей прежней реальности.

На втором этапе сценария, когда Маша попадает из своего в абсолютно чужой мир, формируется и реализуется концепт *ТОРГОВЛЯ* (купля-продажа), связанный с семантическими полями 1) деятельность по купле-продаже товара (в данном случае невольника, человека); 2) торг, преодоление препятствия между продаю-

щими и покупающими (чумекейцы и бухарцы); 3) превращение чего-то в предмет купли-продажи (женщина, человек, красота). Внутренняя форма слова-образа, восходящего к древнерусскому корню *тъгъ – «дергать, отрывать», актуализирует семемы «отторгать, отрывать». Формируется ментальный образ отрыва от родины, семьи, родных, акцентирующий семантический оттенок непоправимости совершившегося, невозвратимости к прежней жизни: «с родиной простилась она навек!» (Даль, 1981, с. 79). Поэтому главными концептуальными образами на этом этапе развития когнитивного сценария становятся «вещь», «скотина (баран)», означающие расчеловечение, утрату человеческого естества, превращение (метаморфозу) в неодушевленный предмет, в нечто.

В отличие от первого эпизода, когда Маша инстинктивно сопротивлялась и пыталась найти спасение, на этом этапе она словно окаменела, лишилась эмоций и ощущений, стала вести себя как неживое существо, как вещь. Героиня находится в состоянии крайнего нервного напряжения, в необычайной зажатости, закрытости, когда отказывают все органы чувств («...чувства и понятия ее притупились, и она почти обеспамятела...») (Даль, 1981, с. 78)).

Однако и в этом чужом, враждебном для героини мире находятся персонажи, проявляющие к ней сочувствие, симпатию, стремящиеся облегчить ее положение. Молодая киргизка сначала спасает от самоубийственной тяжелой работы, затем дарит на прощание простую большую булавку – самое дорогое, что у нее было. При этом происходит удвоение сцены, усиление впечатления, предвосхищающее дальнейшее появление помощников и заступников героини.

Третий этап развития сценарной модели представляет собой реализацию концептов *НЕВОЛЯ* и *ПОДАРОК*. Маша отдана в услужение хану, эмиру, живет во дворце, но в неестественных для человека условиях плена, отсутствия свободы, в рабском подчинении хозяину, под властью внешней враждебной силы. Героиня «состоит во дворце на побегушках», выполняет мелкую хозяйственную работу, отдана в подчинение старостихе-стряпухе, грозной женщине, которая держит в страхе всю ханскую дворню.

Одновременно начинается смирение героини с невольничеством, рабским существованием: «Мало-помалу Маша стала привыкать к своему довольно сносному, впрочем, положению» (Даль, 1981, с. 80). Она оказалась поистине ценным «подарком» хану и как предмет, вещь, и как живой человек, одаренный умом, ловкостью и проворством. После болезни хана она стала его сиделкой, которой он полностью доверял свою жизнь. И хан, и старостиха получали удовольствие от общения с Машей.

На этом этапе появляются мотивы сватовства и свадьбы. Маша, понимая, что ей никогда не вернуться на родину, хотела жениха, но влюбленный в нее пушкарь, которому покровительствовала старостиха, не смел без согласия хана жениться на Маше, а Маша не торопилась, ей стыдно было просить себе жениха.

Поскольку сюжет можно представить как узел «вероятных вариантов его развития» [Карасик, 2020, с. 41], возникает еще одна возможность сюжетного развития, соотносимая с когнитивной матрицей волшебной сказки.

Однако четвертый этап преобразует логику и сценарную последовательность. Здесь повествуется о событии совершенно необычайном, которого нет ни в документальных рассказах пленных русских людей, ни в записке Виткевича, ни в письмах Даля. Это рассказ о «дивной вещи», о «чудесах», казалось бы, невероятных для того, чтобы они случились в реальности. Впавший в «жестокую горячку» эмир попросил Машу посреди жаркого бухарского лета достать «льду», чтобы

погасить внутренний жар болезни. За это эмир обещал Маше свободу и возвращение на родину. На первый взгляд невозможная просьба была исполнена. «Подивитесь же Машину счастью: выбежав без ума на улицу, она встретила носом к носу с таджиком, и этот первый, встречный ей человек, нес в чашке осколок льду!». Безусловно, в этой важнейшей сцене реализуется метафорический концепт *ЛЕД – ВОДА*, концептуализирующий каузальность всего сущего, превращение одного в другое, «переход из одного состояния в другое, получение новых форм и функций» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 108]. С другой стороны, возникает антиномия *ОГОНЬ – ЛЕД*, описанная в статье Т. Алпатовой [2017], но относить это можно не ко всему сюжетному сценарию, а только к архитектонике этой сцены, по своей семантике и возможностям интерпретации действительно выбивающейся из общей сценарной последовательности и имеющей яркое мистериальное ассоциативное поле. *ВОДА – ЛЕД – ОГОНЬ* метафорически воспроизводят путь героини от границы к границе, от реки, воды которой отделили ее от родины, к воде в виде льда, которая приблизила Машу к возвращению домой.

Пятый этап сценарного развития рассказа формируют финальные сцены матрицы, из которых важнейшее место занимает сцена дебатов, «прений о вере», и реализуются концепты *ВЕРА* и *СВОБОДА*. Бухарцы оценили Машу, и ее окружили женихи, дело было только за тем, чтобы Маша приняла мусульманство. Оказалось, что конфликт своего и чужого мира был прежде всего конфликтом равноправия вер, вероисповеданий. «Спор о вере» – это сюжетобразующий топос еще в древнерусской литературе, в жанре жития-матрицы. «В этих документальных свидетельствах герои, готовые принять смерть, становились апологетами христианства и вступали в спор с мучителями-язычниками, доказывая превосходство своей веры и отказываясь служить идолам» [Андреева, 2020, с. 486]. Так и Маша, чувствуя свою неминуемую не физическую, а духовную гибель, вступает в спор с ханом: «Эмир, – завила Маша, – у вас своя вера, у нас своя; перед богом всякая вера хороша, коли она добро творит; я молилась за тебя по-своему, ты умирал, бог меня услышал, ты теперь здоров; не бывать бы этому, если б я молилась по-вашему: тогда бы бог меня не услышал; тогда бы ты погиб... воля его есть на то, чтобы всякий держал веру своих отцов!» (Даль, 1981, с. 83). Страстная речь героини вводит в сюжетную матрицу рассказа элементы жанра проповеди, приобретающие новую функцию в тексте под влиянием изменившегося культурного и общественного фона. «По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра немедленно охватывают и другие аспекты речи» [Дементьев, 2010, с. 169], в первую очередь когнитивно-сюжетную структуру. Маша побеждает не только упрямого эмира, не желающего исполнить свое обещание из-за боязни потерять такую замечательную «марджу» (пленницу), но и совет козыев и улемов, созванный эмиром для разрешения вопроса об освобождении Маши. На этом этапе своей неколебимой преданностью вере своих отцов героиня возвращает себе человеческое достоинство, перестает быть вещью. После этого она возвращается домой, становится самой статной и красивой женщиной в станице, находит себе жениха, и «хозяйки расторопнее и работающее Маши, конечно по всем станицам от Неженки до Орска, трудно было бы отыскать» (Даль, 1981, с. 84).

Вернемся к четвертому эпизоду, явно репрезентирующему какую-то иную матрицу, с которой пересекается более поздняя матрица сюжета «степной пленник». Эта новая сюжетная матрица, лежащая в основе жанрово-сюжетной архи-

тектоники рассказа-очерка, представляет собой кульминационную сцену волшебнo-сказочной фабулы. Ее можно реконструировать с помощью инвариантной схемы В. Я. Проппа. В первом эпизоде рассказывается о беде, недостатке, похищении героини; переправляясь через реку, Маша пересекает границу своего и чужого мира. Следующие эпизоды повествуют о череде лиминарных испытаний героини, в основе которых находится архаический ритуал инициации. Чудесное сказочное обретение «осколка льду» и выздоровление эмира становятся кульминацией и предопределяют возвращение героини в родные края уже в другом качестве, полноправным членом взрослого коллектива, и в финале Маша находит себе жениха.

Заключение

В целом рассказ Даля «Осколок льду», как и большинство его произведений 1840-х гг., представляет собой художественный текст сложной, многослойной сюжетно-нарративной и когнитивно-концептуальной природы. Сюжетная матрица рассказа двойственна по своей структуре, и когнитивно-герменевтический анализ позволяет сделать вывод о синергии сюжетной матрицы, основанной на ментальном осмыслении и репрезентации реальных событий и происшествий, с одной стороны, а с другой – сказочной матрицы как самой архаической и универсальной. Основой архитектоники этого текста становится, таким образом, концептосфера художественного текста, а когнитивно-концептуальная сюжетная матрица представляет собой реализацию такого феномена, как «ассоциативно-смысловые поля, материализованные лексически, связанные парадигматически и синтагматически, соотносящиеся с одним концептом текста» [Белоусов, 2009, с. 138] и совокупностью и последовательностью номинативных полей художественных концептов.

При этом синергия двух типов когнитивно-сюжетных стратегий, на наш взгляд, репрезентирует ведущую роль сказочной жанрово-стилевой матрицы как самой архаической, отработанной тысячами, представляющей собой уникальный способ нарративизации дискурса, способный создавать тексты всякой когнитивно-сюжетной природы, органически встраиваясь в любой лингвоконструкт реальности.

Список литературы

- Алпатова Т. А.* Мистерия огня и льда в творчестве В. И. Даля (к анализу рассказа «Осколок льду») // История русской литературы: современность классики: Сб. к юбилею проф. С. А. Джанумова. М.: МГПУ, 2017. С. 105–113.
- Андреева Е. А.* «Прения о вере» как сюжетообразующий топос в житиях князей-мучеников эпохи татаро-монгольского ига // Герменевтика древнерусской литературы. 2020. № 19. С. 485–497.
- Белоусов К. И.* Теория и методология полиструктурного синтеза текста: Монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 216 с.
- Боярская Е. Л.* Интегративный подход к анализу событийного фрейма // Вестник Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2017. № 3. С. 5–13.
- Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 594 с.
- Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.

- Карасик В. И.* Восстание: интерпретативная матрица сюжета // Язык и культура. 2020. № 50. С. 41–56.
- Кручинкина Н. Д.* Когнитивный и языковой аспекты формирования событийных концептов // Вестник Балт. федерал. ун-та им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 2. С. 27–32.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Левитан Л. С., Цилевич Л. М.* Сюжет в художественной системе литературного произведения. Рига: Зинатне, 1990. 512 с.
- Маслов Е. С.* Время в нарративе: «фабула-сюжет» и «история-дискурс» vs семиотический треугольник // *Studia Litterarum*. 2023. Т. 8, № 3. С. 10–27.
- Матвиевская Г. П.* Даль в оренбургском востоковедении. 2021. URL: https://www.zhurmir.ru/sites/zhurmir/files/pdf/gd_2021-19_-_324.pdf (дата обращения 21.01.2024).
- Милованова М. В., Куличенко Ю. Н.* Когнитивный сценарий как способ описания мимического выражения эмоционального состояния субъекта // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 2: Языкознание. 2012. № 1 (15). С. 108–113.
- Огнева Е. А.* Архитектоника текстового когнитивного сценария в интерпретативном поле перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (043). С. 61–70.
- Огнева Е. А., Кузьминых Ю. А.* Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. М.: Эдитус, 2014. 202 с.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: ЛКИ, 2010. 296 с.
- Пропл В. Я.* Морфология сказки. М.: Гл. ред. вост. лит., 1969. 168 с.
- Силантьев И.* Сюжет и смысл. М.: ЯСК, 2018. 142 с.
- Созина Е. К.* Дискурс «степных пленников» в русской литературе XIX века // Уральский исторический вестник. 2016. № 1 (50). С. 6–15.
- Тюпа В. И.* Анализ художественного текста. 3-е изд., стереотип. М.: Академия, 2009. 336 с.
- Эсалнек А. Я.* Теория литературы: Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2021. 208 с.
- Юсупова М. С.* Когнитивный сценарий в художественном тексте // Молодой ученый. 2021. № 13 (355). С. 80–83.

Список источников

- Даль В. И.* Повести и рассказы. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1981. 288 с.
- Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П. И. Демезона и И. В. Виткевича) / Отв. ред. Н. А. Халфин. М.: Гл. ред. вост. лит., 1983. 149 с.
- Русский архив. М.: Тип. В. Грачева и Комп., 1867. Вып. 3. С. 402–431.
- Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М.: Университетская типография, 1860. Кн. 1. С. 147–166.

References

- Alpatova T. A. *Misteriya ognya i l'da v tvorchestve V. I. Dalya: (k analizu rasskaza "Oskolok l'du")* [The Mystery of fire and ice in the works of V. I. Dal: (to the analysis of the story "A Splinter of Ice")]. In *Istoriya russkoy literatury: sovremennost' klassiki*:

sbornik k yubileyu professora S. A. Dzhanumova [History of Russian literature: the modernity of classics: Collection dedicated to the anniversary of Prof. S. A. Dzhanumov]. Moscow, MSPU, 2017, pp. 105–113.

Andreyeva E. A. “Preniya o vere” kak syuzhetoobrazuyushchiy topos v zhitiyakh knyazey-muchenikov epokhi tataro-mongol’skogo iga [“Debate about faith” as a plot-forming topos in the hagiography of princes-martyrs of the Tatar Mongol yoke’s epoch]. In *Germenevtika drevnerusskoy literatury: Sbornik 19* [Hermeneutics of Old Russian Literature: Issue 19]. Moscow, IWL RAS, 2020, pp. 485–497.

Belousov K. I. *Teoriya i metodologiya polistruktornogo sinteza teksta: monografiya* [Theory and methodology of polystructural text synthesis: monograph]. Moscow, Flinta, Nauka, 2009, 216 p.

Boyarskaya E. L. *Integrativnyy podkhod k analizu sobytiynogo freyma* [An integrative approach to event frame analysis]. *IKBFU’s Vestnik. Series: Philology, pedagogy, and psychology*. 2017, no. 3, pp. 5–13.

Dement’ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znack, 2010, 594 p.

Esalnek A. Ya. *Teoriya literatury: Ucheb. posobie.* [Literary theory: Textbook]. 3rd ed., ster. Moscow, Flinta, 2021, 208 p.

Karasik V. I. Vosstaniye: Interpretativnaya matritsa syuzheta [Rebellion: Interpretive Plot Matrix]. *Language and Culture*. 2020, no. 50, pp. 41–56.

Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis, 2004, 389 p.

Kruchinkina N. D. Kognitivnyy i yazykovoy aspekty formirovaniya sobytiynykh kontseptov [Cognitive and linguistic aspects of the formation of event concepts]. *IKBFU’s Vestnik. Series: Philology, pedagogy, and psychology*. 2010, no. 2, pp. 27–32.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. *Metaforay, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 256 p.

Levitan L. S., Tsilevich L. M. *Syuzhet v khudozhestvennoy sisteme literaturnogo proizvedeniya* [Plot in the artistic system of a literary work]. Riga, Zinatne, 1990, 512 p.

Maslov E. S. Vremya v narrative: “fabula-syuzhet” i “istoriya-diskurs” vs semioticheskiy treugol’nik [Time in narrative: “plot-plot” and “history-discourse” vs. the semiotic triangle]. *Studia Litterarum*, 2023, vol. 8, no. 3, pp. 10–27.

Matviyevskaya G. P. *Dal’ v orenburgskom vostokovedenii* [Dahl in Orenburg oriental studies]. 2021. URL: https://www.zhurmira.ru/sites/zhurmira/files/pdf/gd_2021-19_-_324.pdf (accessed 21.01.2024).

Milovanova M. V., Kulichenko Yu. N. Kognitivnyy stseneriy kak sposob opisaniya mimicheskogo vyrazheniya emotsional’nogo sostoyaniya sub’yekta [Cognitive script as a way of describing the facial expression of the emotional state of the subject]. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2012, no. 1 (15), pp. 108–113.

Ogneva E. A. *Arkhitektonika tekstovogo kognitivnogo stseneriya v interpretativnom pole perevoda* [Architectonics of the textual cognitive scenario in the interpretative field of translation]. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015, no. 2 (043), pp. 61–70.

Ogneva E. A., Kuz’minykh Yu. A. *Arkhitektonika tekstovoy kognitivnoy stseny: problemy modelirovaniya i interpretatsii* [Architectonics of the textual cognitive scene: problems of modeling and interpretation]. Moscow, Editus, 2014, 202 p.

Paducheva E. V. *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost’ s deystvitel’nost’yu: Referentsial’nyye aspekty semantiki mestoimeny* [The statement and its correlation with reality: Referential aspects of the semantics of pronouns]. Moscow, LKI, 2010, 296 p.

Propp V. Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairy tale]. Moscow, Gl. red. vost. lit., 1969, 168 p.

Silant'yev I. *Syuzhet i smysl* [Plot and meaning]. Moscow, LRC Publishing House, 2018, 142 p.

Sozina E. K. *Diskurs "stepnykh plennikov" v russkoy literature 19 veka* [The discourse of "steppe captives" in Russian literature of the 19th century]. *Ural Historical Journal*. 2016, no. 1 (50), pp. 6–15.

Tyupa V. I. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of a literary text]. 3rd ed., ster. Moscow, Akademiya, 2009, 336 p.

Yusupova M. S. *Kognitivnyy stsenariy v khudozhestvennom tekste* [Cognitive script in fiction]. *Molodoy uchenyy*. 2021, no. 13 (355), pp. 80–83.

List of sources

Chteniya v imperatorskom obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom universitete [Readings in the Imperial Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, Univ. tip., 1860, bk. 1, pp. 147–166.

Dal V. I. *Povesti i rasskazy* [Novels and short stories]. Ufa, Bashk. kn. izd., 1981, 288 p.

Russkiy arkhiv [Russian archive]. Moscow, Tip. V. Gracheva i Komp., 1867, iss. 3, pp. 402–431.

Zapiski o Bukharskom khanstve (Otchety P. I. Demezona i I. V. Vitkevicha) [Notes on the Bukhara Khanate (Reports by P. I. Demeson and I. V. Vitkevich)]. N. A. Khalfin (Ed.). Moscow, Gl. red. vost. lit., 1983, 149 p.

Информация об авторе

Сергей Михайлович Шаврыгин, доктор филологических наук, профессор, кафедра филологии факультета лингвистики Университета «Синергия» (Москва, Россия)

Information about the author

Sergey M. Shavrygin, Doctor of Philology, Professor, Department of Philology, Faculty of Linguistics, Synergy University (Moscow, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 07.10.2024;
одобрена после рецензирования 05.12.2024; принята к публикации 05.12.2024
The article was submitted on 07.10.2024;
approved after reviewing on 05.12.2024; accepted for publication on 05.12.2024*